

Вэй Се одним ударом копья пронзил бросившегося на него волка, но в следующую секунду почувствовал острую боль в бедре — это вцепился другой зверь. Вокруг стоял невообразимый гвалт: крики людей перемежались волчьим воем. Запах крови мгновенно пропитал эту прежде тихую поляну. Мертвых волков было немало, как и людей. В тот момент, когда Вэй Се уже решил, что ему не выбраться живым, в воздухе просвистела стрела, пронзившая волка, терзавшего его ногу. Вслед за ней одна за другой полетели другие стрелы — почти все они попадали точно в цель. Этот внезапный обстрел переломил ход проигранного, казалось бы, боя. Поняв, что легкой добычи не будет, один из волков жалобно заскулил, и остальные, словно по сигналу, быстро отступили в чащу.

Вэй Се, из последних сил опираясь на копье, попытался разлепить залитые кровью глаза. В полубабытье ему почудилось, будто из-за темных зарослей показался белый силуэт. Но он был слишком изможден, невыносимо изможден — успел лишь заметить край одежды подошедшего, как голова его безвольно поникла, и он рухнул на землю.

Очнулся Вэй Се уже в постоялом дворе. Его учитель, граф Луань и Юэ Яо стояли у кровати, глядя на него с крайне сложными чувствами.

— Главное, что ты пришел в себя. Твою ногу удалось спасти, теперь всё позади, Се-эр! Увы, мы получили сведения слишком поздно. Император уже нашел того подлого соседа, что когда-то продал тебя, и выведал другие подробности. Боюсь, он узнал, кто ты такой, и решил разыграть этот спектакль, чтобы чужими руками убрать тебя. К счастью, ты выжил. Теперь настало время для нашего контрудара. Раз уж император пошел на такое, то пусть не жалуется на людскую молву. Посмотрим, сможет ли правитель, который ради личной выгоды пренебрегает жизнями солдат и вступает в сговор с разбойниками, сохранить любовь народа! — с ненавистью произнес учитель Вэй Се.

Однако Вэй Се, лежа на кровати и глядя в потолок, пропустил слова наставника мимо ушей. Он опустил взгляд на свои исцарапанные ладони и вдруг глухо спросил:

— Учитель, кто меня спас?

В комнате мгновенно воцарилась тишина. Наконец вперед вышел учитель и, не моргнув глазом, ответил:

— Один молодой солдат, твой ровесник. Сейчас он отдыхает этажом ниже. Говорят, из Леса Смерти еще никто не возвращался, но тот парень, видимо, случайно наткнулся на тебя и вынес на себе...

Солдат, значит...

Вэй Се сжал ладони. Так неужели тот белый силуэт, что он видел перед потерей сознания, был лишь плодом его воображения?

— На самом деле... — Юэ Яо, услышав слова учителя, вспыхнула от возмущения и уже хотела что-то добавить, но граф Луань поспешно зажал ей рот и вывел из комнаты. Удивительно, как

его дочь вообще оказалась здесь, ведь об этом знали лишь немногие.

— Яо-эр, перестань создавать отцу лишние проблемы, хорошо? — с досадой проговорил граф.

— Отец, ты с детства учил меня быть честной, не лгать! А что делаете вы? Ведь это Цинь Ли в одиночку пробрался в Лес Смерти и вытащил Вэй Се! Как вы можете просто вычеркнуть его из этой истории? Вы поступаете подло! — негодовала Юэ Яо.

— В чем же наша подлость? Разве весь мир не знает, что Цзунъюн-хоу — человек императора? Кто знает, что у него на уме? К тому же, я делаю это ради тебя. Вы с А-Се помолвлены, в будущем ты станешь его законной женой. Неужели ты хочешь, чтобы твой муж вечно тосковал по какому-то мужчине, забыв о твоём существовании?

— Отец, вы... вы все уже знали об отношениях Вэй Се и Цзунъюн-хоу, верно? И при этом толкаете свою дочь в огонь? Разве можно быть таким отцом? Пусть они оба мужчины, но я своими глазами видела, как Вэй Се любит Цинь Ли за те годы, что жила в поместье хоу. Теперь и Цинь Ли готов ради него идти на смерть — они любят друг друга по-настоящему, а вы... вы... — Юэ Яо не могла поверить в услышанное.

— Любовь... Если всё удастся, Вэй Се станет императором. А император, полюбивший мужчину, да еще и того, кто погубил его родителей — это позор! И ты еще говоришь мне о любви? Зря я тогда отправил тебя в поместье Цзунъюн-хоу. Я надеялся, что ты окажешься рядом в трудную минуту и станешь императрицей, а теперь... Если ты еще хоть раз свяжешься с этим Цинь Цзю, я с тебя шкуру спущу!

— Отец, ты изменился. Вы все собрались вокруг Вэй Се ради него самого или ради своих амбиций? Ты вызываешь у меня отвращение... — Юэ Яо не успела договорить, как граф Луань отвесил ей звонкую пощечину, отчего ее голова резко дернулась в сторону.

Юэ Яо прижала ладонь к щеке, вдруг горько усмехнулась, бросила на отца взгляд и молча вышла.

Граф Луань, дрожа, посмотрел на свою руку и, обернувшись, увидел бледного Вэй Се, стоящего неподалеку. Его рука затряслась еще сильнее. Граф украдкой взглянул на учителя Вэй Се, и, когда тот едва заметно покачал головой, понял, что Вэй Се вряд ли слышал их разговор, и немного успокоился.

Вскоре после этого молодой солдат, сбежавший из Леса Смерти и потерявший руку и ногу, повесился на воротах Далисы. Он оставил окровавленное письмо, в котором со слезами писал, что от самих разбойников узнал правду: столь огромные потери были вызваны приказом императора, решившего пожертвовать своими подданными. Столица пришла в ярость. Слухи о том, что нынешний правитель ни во что не ставит человеческие жизни и потворствует бандитам, доводя народ до нищеты, разнеслись повсюду.

Наступило время перемен.

Е Кэ тем временем получил императорский указ с приглашением явиться во дворец для беседы.

А Вэй Се решил встретиться с Юэ Яо. Глядя на свою невесту, с которой его с самого детства связывала непростая судьба, он тихо усмехнулся:

— Возможно, я смогу помочь тебе быть с Цинь Цзю...

Да, на пороге смерти он наконец понял свои чувства. Неважно, был ли тот, кто его спас, Цинь Ли — он выбрал его. В этой жизни ему нужен только он. Трон он заберет, но и Цинь Ли будет с ним.

Юэ Яо исчезла, а вместе с ней пропал и Цинь Цзю.

Когда Е Кэ получил это известие, он уже собирался во дворец на встречу с императором. Выслушав доклад Цинь И, он лишь слегка нахмурился и не придавал этому значения. Подумаешь, героиня сбежала с второстепенным персонажем — это уже не имело веса. Он переглянулся с Туань Туанем и, увидев уверенность в глазах пушистого комочка, понял: пока Вэй Се на троне, сюжет будет выполнен как минимум на 85 процентов.

К моменту прибытия во дворец наступил полдень. Император приказал накрыть стол и пригласил Е Кэ разделить с ним трапезу.

— Эх, Цинь-айцин, помню, как до моего восшествия на престол мы часто пили вино и предавались веселью. Кто бы мог подумать, что, заняв это место, я стану тебе чужим. Нехорошо это, совсем плохо... — Император лично налил Е Кэ вина, и тот почтительно принял чашу обеими руками.

— Вспомни, как тогда, в тени моего старшего брата, я был лишен блеска. Никто не хотел встать рядом и помочь мне, кроме тебя. Ты, вернувшись в столицу, без колебаний поддержал меня, строил планы, не раз закрывал меня собой в смертельной опасности. Я до сих пор помню зиму двадцать третьего года правления Юн-ань, когда ты едва не погиб, спасая меня. Ты выжил, но с тех пор страдаешь от болезненной зябкости... — Император тяжело вздохнул, а затем в его глазах блеснула сталь. — Победителей не судят. Эту империю я отвоевал своими руками, ценой усилий моих и моих верных слуг. А теперь кто-то пытается с помощью ритуалов и морализаторства сбросить меня с трона. Скажи, разве это справедливо? Должен ли я защищаться? Даже если будут жертвы — разве я виноват, что стремлюсь к спокойствию в Поднебесной?

Император говорил веско, но Е Кэ лишь смотрел на золотистое вино в своей нефритовой чаше, не поднимая глаз. Похоже, император и не ждал ответа.

Видя, что Е Кэ по-прежнему почтительно сидит перед ним, император немного смягчился. Он поднял свою чашу, громко рассмеялся, осушил ее до дна и посмотрел на Е Кэ:

— Пей же, Цинь-айцин. Или ты считаешь, что мое императорское вино хуже, чем в твоём поместье?

— Не смею, Ваше Величество!

Е Кэ почтительно ответил и уже собирался поднести чашу к губам, как в голове раздался тревожный голос Туань Туаня:

— Папа, папа! Я засек в вине яд! Твоя чаша отличается от чаши императора, он хочет тебя убить...

При слове смерть Е Кэ чуть приподнял глаза и посмотрел на императора, чье лицо озаряла мягкая улыбка. Но в глубине глаз правителя застыл лед.

— Пей.

— Папа, нельзя пить!

— Ничего, он не убьет меня прямо сейчас. К тому же, мы скоро покинем этот мир... — прошептал Е Кэ про себя.

— Ну хорошо, папа. Я постараюсь вывести тебя из этого мира до того, как яд подействует.

Е Кэ слегка усмехнулся и выпил вино.

— Интересно, когда ты смотрел, как мой дорогой второй брат пил отравленное вино, ты чувствовал то же самое? — в момент, когда Е Кэ допил, раздался голос императора. — Это вино такое же, как было тогда!

— Благодарю за милость, Ваше Величество, — невозмутимо ответил Е Кэ.

— Ты... — Император резко вскочил и рявкнул: — Цинь Ли!

— Разве я был к тебе плох? Ты — Цзунъюн-хоу, великий полководец, второй человек в государстве. Золото, драгоценности, вино, красавицы — я давал тебе всё, что ты просил. Почему, узнав, где скрывается мой племянник, ты не доложил мне, а спрятал его в своём поместье? Почему потом, когда я был близок к истине, ты позволил старому даосу увезти его? А сейчас, зная, что он вернулся, зная, что эти люди замышляют против меня, почему ты молчал? Цинь Ли, Цинь Ли, твоё сердце полно предательства! Но ты ведь видел, что я дал тебе яд, почему же ты выпил его? Я не понимаю тебя. Не понимал много лет назад, не понимаю и

сейчас. Я до сих пор не знаю, чего ты на самом деле хочешь!

Е Кэ, преодолевая боль от яда, с бледным лицом и испариной на лбу опустился перед императором на колени:

— Виноват... Мои стремления и желания за все эти годы ничуть... не изменились...

Услышав твердый голос Е Кэ и увидев в его глазах тоску и верность, император взмахнул рукавом и тяжело вздохнул:

— Неужели та женщина была настолько хороша?

Бледный Е Кэ вдруг улыбнулся — улыбкой чистой, как у ребенка:

— Она навсегда останется лучшей на этом свете...

Видя такое состояние Е Кэ, император вытащил из рукава коричневую пилюлю и бросил ее ему. Е Кэ поймал ее и проглотил. Как и ожидалось, жгучая боль в груди начала быстро утихать.

— Это Семидневный яд. Здесь половина антидота. Если через семь дней ты не примешь вторую половину, будешь семь дней и семь ночей корчиться от боли, мечтая о смерти, пока не сгниешь изнутри. У тебя есть семь дней. Принеси мне голову Вэй Се, и получишь остальное.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

— Уходи.

— Есть.

Е Кэ отступил. Туань Туань в его голове продолжал утешать:

— Папа, тебе еще больно? Этот император такой злой, всё из-за того, что мой уровень слишком низкий и я не могу заблокировать твою боль. Прости, папа.

— Пустяки, это лишь легкая боль.

— Папа, что мы будем делать дальше?

— Через семь дней покинем это место.

— Правда?

— Разумеется.

Однако той же ночью, когда Е Кэ дремал, он почувствовал, что у его кровати кто-то стоит. Он резко открыл глаза и, несмотря на темноту, сразу узнал Вэй Се.

Они долго молчали. В голове Вэй Се крутились слова учителя. Среди них был предатель, их прикрытие раскрыто, и теперь император не оставит их в покое. Уйти — единственный шанс.

— За все эти годы... — вдруг произнес Вэй Се. — Ты хоть раз...

— Нет, — перебил его Е Кэ, чей голос звучал холодно и слегка хрипло. — Моя любовь никогда не менялась.

— Довольно.

— С того самого момента, как я полюбил в юности, я был обречен...

— Довольно!

— Моим единственным любимым человеком всегда была твоя мать...

— Я сказал, довольно! — Вэй Се внезапно наклонился и запечатал его губы поцелуем. В темноте Е Кэ почувствовал, как горькая слеза просочилась между их губ, а затем — как Вэй Се вздрогнул, и из глубины его горла вырвался тихий всхлип.

Вэй Се отстранился. Его голос звучал твердо и холодно, хотя лицо в темноте было мокрым от слез.

— Можешь не продолжать. Я давно всё знал. Но...

Он просто не хотел признавать этого. Этот мужчина, которого он так долго любил и так долго ненавидел, всегда любил лишь его мать. А он, Вэй Се, был для него лишь отражением ее глаз.

— Я ухожу...

— Постой... — Е Кэ окликнул его и нащупал под подушкой что-то гладкое. — Перед смертью твоя мать сжимала в руках этот нефрит. На нем вырезано имя Се. Должно быть, он предназначался тебе. Я хранил его столько лет, пора вернуть владельцу.

Он бросил нефрит, и Вэй Се поймал его.

— Если можешь, уходи сегодня же. Как только рассветет...

Е Кэ не успел договорить, как Вэй Се бросил на него последний взгляд, распахнул окно и исчез в ночи.

— Папа...

— Всё хорошо, вещь передана. Теперь его шансы на трон равны восьмидесяти процентам.

— Понятно.

На следующий день Е Кэ, собрав войска, незаметно окружил поместье графа Луаня, которое с ночи находилось под наблюдением. Как и ожидалось, там было пусто. Е Кэ доложил императору и бросился в погоню за пределы города.

Тем временем Вэй Се и его люди, бежавшие почти всю ночь, собрались вокруг учителя, чтобы спросить, зачем они сбежали через тайный туннель сразу после слов Вэй Се.

Учитель ответил ледяным тоном:

— Если я не ошибаюсь...

Он не успел договорить, как снаружи раздался предсмертный крик часового.

— Плохо! Они здесь!

Секундой позже послышался топот коней. Учитель Вэй Се, не дожидаясь разведки, схватил его и потащил к черному ходу, который присмотрел заранее.

— Учитель...

— Люди императора настигли нас. Он отбросил всякий стыд и жаждет твоей смерти. Если я не ошибаюсь, он прислал за нами Цзунъюн-хоу. Его мастерство в бою известно всем. Если не сбежим сейчас, в лучшем случае нас возьмут в плен, в худшем — убьют на месте...

— Цинь Ли... — выдохнул Вэй Се. Обернувшись, он увидел на коне Е Кэ в белых одеждах — точно такого же, как при их первой встрече. Е Кэ с холодным лицом поднял руку, и лучники тут же заняли позиции. По его знаку полетели стрелы, и позади послышались крики.

Цинь Ли... Цинь Ли... Цинь Ли!

Он убьет его, он обязательно его убьет... Эта мысль пульсировала в голове Вэй Се. Лицо юноши стало мертвенно-бледным, пальцы заledenели.

— Се-эр, не отвлекайся! Еще немного, впереди устье реки, наши люди уже ждут там. Се-эр, ты должен выжить!

Выжить. Да, он должен выжить. Даже если никто не верит в него, он выживет. Он будет жить назло Цинь Ли. Ты хочешь моей смерти? А я буду жить, и жить хорошо!

Глаза Вэй Се налились кровью, но слез не было. Он разучился плакать. Цинь Ли преподавал ему отличный урок бессердечия.

Их отряд редел, а войско Е Кэ неотступно следовало за ними, прижимая к реке. Вэй Се, учитель и граф Луань успели запрыгнуть на лодку, но десяток верных людей остались на берегу. Вэй Се с ледяным ужасом наблюдал, как Е Кэ одним жестом приказал солдатам казнить их на месте. Страх в глазах этих людей, которых он знал по именам, навсегда отпечатался в его памяти.

— Остановись, остановись, остановись... — шептал он.

— Остановись! Цинь Ли! Цинь Ли! — закричал Вэй Се, глядя на белую фигуру на коне. Его глаза пылали ненавистью и ядом. Он схватил чей-то лук, натянул тетиву до предела и прицелился. — Цинь Ли!

Стрела вонзилась Е Кэ в плечо. Белоснежный халат мгновенно окрасился кровью, но на губах Е Кэ заиграла слабая улыбка.

Эта кровь и эта улыбка стали последним воспоминанием о человеке, которого он одновременно ненавидел и любил.

Вернувшись в столицу, Е Кэ, даже не вытащив стрелу, отправился в маленький домик. С помощью Цинь И он обезвредил стражу и, как и предполагал, нашел в одной из комнат Юэ Яо и Цинь Цзю, которых император держал в качестве заложников.

Вэй Се, желая помочь Юэ Яо и Цинь Цзю, отпустил их, но кто же знал, что вскоре после побега их поймают преданный Цинь У и выдаст императору.

<http://bllate.org/book/21332/2163984>